

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ЭМИГРАЦИИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

под редакцией Н. Полторацкого

DEPARTMENT OF SLAVIC LANGUAGES AND LITERATURES

FACULTY OF ARTS AND SCIENCES

UNIVERSITY OF PITTSBURGH

Slavic Series, No. 1

RUSSIAN EMIGRE LITERATURE

**A COLLECTION OF ARTICLES IN RUSSIAN
WITH ENGLISH RESUMÉS**

Edited by Nikolai P. Poltoratzky

**Department of Slavic Languages and Literatures
Faculty of Arts and Sciences
University of Pittsburgh
Pittsburgh, 1972**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭМИГРАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией Н. П. Полторацкого

**Отдел славянских языков и литератур
Питтсбургского университета
Питтсбург, 1972**

Copyright © 1972 by Nikolai P. Poltoratzky

Library of Congress Catalog Card Number 72-82898

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ИТАЛИИ

(1924—1949) *

Или не Рим золотой — мой нареченный предел?

Вяч. Иванов. 1892 г.

В стране богов, где небеса лазурны
И меж олив где море светозарно,
Где Пиза спит, и мутный плещет Арно,
И олеандр цветет у стен Либурны,
Я счастлив был

.
Туда, туда, где умереть просторней,
Где сердца сны — и вздох струны —
эфирней.
Несу я посох, луч лова вечерний.

Вяч. Иванов. 1910 г.

Покидая Россию в августе 1924 г., Вячеслав Иванов говорил московским друзьям, что едет умирать в Рим. В Вечный Город его влекло, как на духовную родину. С Римом его связывали не только дорогие воспоминания о счастливых годах, проведенных здесь, но и глубокая любовь к самому городу, этому «празднику западно-европейского духа», утверждающему всей своей многогранной историей вечные ценности мировой культуры.

За четыре года, проведенных им в Баку до отъезда за границу, Иванов стихов почти не писал. «Гимнам чужды, одичали / В безлирной засухе уста», вспоминал он впоследствии. Но возвращение в Италию возбудило в нем прилив новых творческих сил. В Риме, «в округе древних алтарей», по его словам, он «нагулял себе, несмотря ни на что, запас римского счастья», и после долгого молчания «стихи свободно потекли». Один за другим выливались великолепные сонеты — форма столь подходящая для приветствия Италии — посвященные Риму и его памятникам. Вот первый из этих сонетов, в

* Статья основана на материале, собранном для диссертации о Вяч. Иванове, которую автор настоящей статьи пишет в Ейльском университете. Осенью 1970 г. автору удалось побывать в Риме и ознакомиться с некоторыми материалами из архива Иванова, любезно предоставленными ему Ольгой Александровной Шпор. Автор выражает ей свою глубокую признательность за помощь и особенно за те долгие часы, которые она провела с ним в беседах о жизни и творчестве поэта.

«стесненном размере» которого поэт говорит о встрече со своим любимым городом:

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним „Ave Roma”
Приветствую как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Мы Трою предков пламени дарим;
Дробятся оси колесниц меж грома
И фурий мирового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна,
Твой вратарь кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена.¹

На фоне мирового пожарища, Рим — основанный, по преданию, беженцами из пылающей Трои — представляется поэту символом и заветом возрождения. Отличительная черта города и источник его силы — вечно хранимая память о прошлом. В страшную эпоху слепого забвения — «в захлестнувшем мир потоке беспамятства»,² — поэт с благоговением и надеждой приветствует город-сокровищницу великих культур прошлого.

Второй по времени написания сонет (переставленный впоследствии Ивановым в конец цикла) как бы развивает мысль первого. Здесь, в одном из своих самых совершенных стихотворений, поэт рисует незабываемую картину захода солнца над Вечным Городом:

Пью медленно медвяный солнца свет,
Густеющий, как долу звон прощальный;
И светел дух печалью беспечальной,
Весь полнота, какой названья нет.

Не медом ли воскресших полных лет
Он напоен, сей кубок Дня венчальный?
Не Вечность ли свой перстень обручальный
Простерла Дню за гранью зримых мет?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистого небесного расплава,
Где тает диск и тонет исполин.

¹ Вячеслав Иванов. Свет вечерний. Oxford, 1962, стр. 106.

² Из предисловия Вяч. Иванова к сб. стихов И. Н. Голенищева-Кутузова «Память», Париж, 1935, стр. 11. Предисловие написано в 1931 году.

Ослепшими перстами луч ощущал
Верх пинии, и глаз потух. Один,
На золоте круглится синий Купол.

Перед нами торжественный обряд уходящей красоты, прощальный пир духа, наполняющий душу поэта «светлой печалью». На фоне царственного заката, мысли о дорогом и навсегда ушедшем сливаются с познанием вечности.

Гимнические и «литургические» тенденции в поэзии Иванова уже отмечались критикой. Удачнее всего выразился О. М. Мандельштам, охарактеризовав поэзию Иванова как «густой благовест». И для правильного понимания его стихов важно учитывать, что высшим назначением поэзии он считал славословие. Именно к этому он стремился в своем творчестве, как мы узнаем из недавно появившихся в печати высказываний Иванова, записанных в 1921 г.³ И хотя он в этом резко отклоняется от основного русла современной ему поэзии, Иванов мог бы указать на богатейшие истоки такого понимания: царь Давид, Пиндар, Гораций, Петрарка... «Римские сонеты», таким образом, следует прежде всего рассматривать, как гимны городу и прославление его памятников. В разговоре с М. С. Альтманом, Иванов пояснил, что он воспринимает славу как «нечто зримое, некий ореол, нимб лучей вокруг предметов». В расплавленном золоте римского заката Вячеслав Иванов узрел апофеоз Риму, жизни и вселенной.

Мы не имеем возможности процитировать здесь остальные сонеты римского цикла, каждый из которых достоин детального внимания. Добавим еще только слова Ф. А. Степуна, близкого друга Вячеслава Иванова и прекрасного знатока всего его творчества: «Вячеслав Иванов не первый мыслитель и не первый поэт, для которого вечный Рим стал пристанью скитаний; их было много. Но не для многих из них духовный возврат в Рим был одновременно и восходом на вершину их творчества».⁴

**
*

«Запас римского счастья» быстро истощился; прошел и поэтический хмель, родивший «Римские сонеты». Через двадцать лет Иванов так вспоминает об этом периоде:

³ М. С. Альтман. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым. — «Ученые записки Тартуского Гос. Университета», 1968, вып. 209, стр. 307. В том же номере см. ценную статью Н. В. Котлерова о деятельности Иванова в Бакинском университете.

⁴ Федор Степун. Встречи. Мюнхен, 1962, стр. 157. Первоначально статья появилась в парижских «Современных записках», 1936, кн. 62, в том же номере журнала, в котором впервые был полностью напечатан цикл «Римские сонеты».

Благословенный, вожденный
Я вновь увидел Вечный Град,
И римским водометам в лад
Взыграл родник запечатленный.
Не надолго.

С недоумением и горечью поэт начинает замечать вокруг себя дух какого-то усталого цинизма и полного отвращения от духовных ценностей. Особенно болезненно он воспринял это теперь, после пережитых им грозных исторических событий и тяжелых личных утрат, выковавших в нем, как он говорит в письме 1930 г., острое сознание раздвоенности мира на защитников и врагов Бога.⁵ В Европе же он увидел мир людей, безразличных к основным проблемам бытия и зачарованных пресловутым «динамизмом эпохи». Это духовное отупение западного мира, казалось ему, «каким-то бесовским контрапунктом вторило революционному неистовству». Все это создает у него самое мрачное настроение, сыгравшее свою роль, как он пишет Дю Боссу, в его решении перейти в католичество (17 марта 1926 г.).⁶

Жизненные условия тоже не были легкими. В течение первого года, правда, он получал жалование от Бакинского университета, удовлетворившего его прошение об одногодней командировке за границу «с содержанием». Но этого в Риме едва хватало на скромную жизнь. Удавшаяся было попытка устроиться в Каирском университете провалилась, как только выяснилось, что Иванов проживает по советскому паспорту.⁷

На пути к печатанию произведений Иванова стояли также трудности. В эмигрантских изданиях он печататься не хотел ввиду данного им в Москве при отъезде обещания, что он будет соблюдать полную политическую нейтральность. Вначале он надеялся наладить отношения с журналом «Беседа», но издательство к тому времени уже находилось в трудном финансовом положении и в 1925 г. журнал пришлось закрыть. По-русски в те годы Иванов напечатал только две статьи, обе в Советском Союзе.⁸

К весне 1925 г. Вячеслав Иванов оказался в тяжелых материальных условиях. Жалование от Бакинского университета кончалось,

⁵ Открытое письмо к французскому критику Дю Боссу, „Lettre á Charles Du Bos“. — „Vigile“, 1930, No. 4, pp. 43—44.

⁶ Присоединение Иванова к католической Церкви трудно понять без рассмотрения всей эволюции его религиозных воззрений. Этой важной теме и связанному с ней вопросу о гуманизме Иванова автор намерен посвятить отдельный очерк.

⁷ См. письмо Иванова к С. Л. Франку, «Мосты», 1963, № 10, стр. 364.

⁸ Статья «К проблеме звукообраза у Пушкина» написана весной 1925 г. и напечатана, с посвящением памяти М. О. Гершензона, только в 1930 г., в журнале «Московский пушкинист», № 2. Статью «'Ревизор' Гоголя и комедия Аристофана», Иванов закончил осенью 1925 г. и поместил в сб. «Театральный октябрь», Л.—М., 1926, с посвящением Вс. Мейерхольду.

других доходов не было. Выручило его неожиданное и необычное обстоятельство. В начале года его навестил П. С. Коган, в то время президент Государственной Академии Художественных Наук в Москве. Убедившись в действительной нужде писателя, Коган по возвращении в Москву поднял вопрос о выдаче ему пенсии от ЦекУБУ. Для этой цели было собрано несколько рекомендательных писем, в том числе от Вс. Мейерхольда, Андрея Белого и Георгия Чулкова. Последовало положительное решение, и с осени 1925 г. вплоть до 1930 г. Вячеславу Иванову присылали из Москвы денежное пособие.

В 1926 г. Иванову удалось устроиться в Павии, где он получил место профессора новых языков и литератур в Колледжио Борромео, привилегированном общежитии для наиболее успешных студентов Павийского университета. Здесь, в роскошном здании XVI века, Вячеслав Иванов прожил до 1934 г., когда бюджетные сокращения привели к упразднению отдельной профессуры в Колледжио и Иванову пришлось искать другое место. Флорентийский университет пригласил его на кафедру славистики, но министерство отказалось утвердить назначение Иванова ввиду его непринадлежности к фашистской партии. Иванов поселился в Риме и полтора года был вынужден подрабатывать участием в экзаменационных комиссиях Римского университета. В 1936 г. он получил, наконец, приглашение от Русской Католической семинарии («Руссикума») вести курсы русской литературы и славянского языка. Вскоре Иванов стал преподавать церковнославянский язык и в Католическом Восточном институте. Его огромные филологические познания нашли здесь свое применение. Помимо чисто педагогической работы, Иванова часто просили помочь в составлении литургических книг для католиков восточного обряда; в его архиве сохранилось несколько его переводов молитв на церковнославянский язык. Он получил также через Руссикум два больших заказа: составить примечания к русскому изданию Апостола и подготовить к изданию русско-славянскую Псалтырь с примечаниями.⁹ Работу над Псалтырью Иванов закончил за несколько дней до смерти.

**
*

В годы жизни в Петербурге Вячеслав Иванов стоял в самом центре всех новейших течений русской мысли. Бердяев назвал собрания на Башне «духовной лабораторией, в которой сталкивались и формировались разные идейные и литературные течения». Переехав в Москву, Иванов и здесь общался со многими выдающимися мыслителями, хотя и не в таком масштабе, как прежде в Петербурге. Необыкновенный дар общения с людьми, который был при-

⁹ «Деяния св. Апостолов», «Послания св. Апостолов», «Откровение св. Иоанна». Рим, Ватиканская типография, 1946; «Псалтырь на славянском и русском языках». Рим, Ватиканская типография, 1950.

сущ Иванову, отмечен во многих воспоминаниях о нем. Он был «человек круга, аудитории, согласия и содружества», пишет о нем П. П. Муратов.¹⁰

Круг знакомых Иванова, поэтому, был очень велик. Но очутившись на Западе в 1924 г., Иванов не предпринял почти ничего, чтобы восстановить контакт с теми многочисленными старыми друзьями, которые были теперь разбросаны по столицам Западной Европы.

Сыграло здесь, конечно, — особенно вначале — свою роль данное Ивановым при отъезде обещание не нарушать аполитичности. В некоторой мере, повлияли и чисто географические обстоятельства: Рим, и тем более Павия, были в смысле русской эмигрантской жизни «на отлете». Но здесь были, думается, и более глубокие причины. Сравнительная оторванность от старых знакомств начинается уже в Баку; во всяком случае, так это было воспринято многими: «Вячеслав Иванов в Баку, кто из нас не пожимал плечами при таком сопоставлении», писал Муратов; «Из всех других он должен был бы быть наименее изолированным».

В период войны и революции эстетико-историсофские чаяния Иванова резко пошатнулись. За этим следовали исключительно тяжелые годы 1919—1920, когда Иванов с семьей бедствовал в голодной Москве и которые завершились смертью его жены. Все это привело к радикальной переоценке ценностей. Многое из прошлого казалось теперь ненужным или иллюзорным. Оглядываясь на пройденный им путь в 1921 г., Иванов говорил М. С. Альтману о своих прежних надеждах: «Ах, как время все обернуло. Когда мы, 'символисты', начали, нам представлялось совершенно иное. И вот нас уже обьявили отошедшими. А между тем, как мало было сделано! (...) Я так далек от всего этого, словно я совершенно переменялся, точно я умер».

Возврат к прошлому — и к кругу людей связанных с ним — явно был исключен для Иванова в те годы. Он искал именно новых путей, и в этом отношении переход Иванова в католичество в 1926 г. был характерным актом. А русская эмиграция, как казалось ему, жила исключительно прошедшим и мечтала о новом воплощении этого прошлого. Это было для Иванова в корне неприемлемо: «Возврат на старую колею — вот измена», писал он в 1931 г.; «Верность отцам . . . повелевает не вторить им и множить их ошибки, но исправить и восполнить их дело».¹¹

Признание русских Иванов видел, вслед за Достоевским (в Пушкинской речи), в построении некоей всевропейской, даже вселенской культуры. Поэтому он не мог не отвергать всякое эмигрантское дело уже в принципе. В письме 1935 г. к одному русскому эмигранту, фамилия которого для нас не важна, Иванов разъясняет эту мысль: «. . . Вы сетуете о 'разрушении русской культуры'; но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина, и одна Красота, так и куль-

¹⁰ «Вячеслав Иванов в Риме». — «Звено», Париж, 1926, 9 мая, № 171.

¹¹ Предисловие Иванова к сб. стихов Голенищева-Кутузова, стр. 11.

тура в существенном и последнем смысле этого слова, — культура, как духовное самоопределение и самораскрытие человека, — выражение вселенного единства и дело вселенского единения. Так и русская культура лишь один из типов или одна из граней единой культуры. Бессмертное в творчестве бессмертно для всех; да и задумываются величайшие творения мысли и искусства с целью утвердить некую всеобщую истину, воплотить некую всеобщую идею, и только потом оказывается, что мыслитель или художник, выражая это всеобщее, существенно выразили особенность их национальной души. Достоевскому казалось, что истинно русский человек прежде всего 'всечеловек' и что поэтому он в Европе больше европеец, нежели француз или англичанин или немец, из коих каждый чувствует себя именно французом или англичанином или немцем и лишь условно и отвлеченно — европейцем. Итак, русскому беженцу, действительно верному заветам русского духа и русского духовного дела, надлежит прежде всего вырваться из бытовой и психической замкнутости и затхлости местных русских «колоний» и жить общою жизнью с народами Запада . . . »¹²

Не следует думать, впрочем, что Иванов вообще перестал общаться со всем русским Зарубежьем. Он сторонился прежде всего *эмигрантского быта*, в Париже принципиально не бывал, и отклонял все попытки завлечь себя в какие бы то ни было эмигрантские организации, даже самые политически-нейтральные. Но связь с русскими, попавшими за границу, все же была, хоть и носила в первые годы ограниченный характер. Из русских, в большей или меньшей мере связанных с эмигрантским миром, с которыми он встречался или переписывался в то время, можно назвать А. В. Амфитеатрова, Эмилия Медтнера, Е. В. Аничкова и И. Н. Голенищева-Кутузова. Единственный активный и идейный участник эмигрантского лагеря, с которым Иванов поддерживал контакт в двадцатые годы, был Ф. А. Степун. Следует еще упомянуть В. Ф. Ходасевича, с которым у Иванова была короткая переписка в 1924—1925 гг., и который тогда еще не окончательно перешел в эмигрантский лагерь в идейном отношении («Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему», писал он Иванову). Переписывался Иванов вначале и с Горьким, главным образом, кажется, в связи с надеждами на издание своих произведений по-русски. Он навещал Горького в Сорренто в 1925 г. и, несмотря на резкое политическое расхождение, возникшее между ними, поддерживал связь с ним и позже.¹³

Но большее значение Иванов, несомненно, придавал своим расширяющимся связям с западноевропейскими писателями, мыслителями и литераторами, особенно после закрытия журнала «Беседа».

¹² Цитата по черновику, хранящемуся в римском архиве Иванова. Датировано 7. окт. 1935 г. Приводится с любезного разрешения О. А. Шор.

¹³ Горький с раздражением записал после встречи с Ивановым, что тот ему говорил «об успехах России — по эмигрантскому канону: 'Потемкинские деревни' и прочее в этом роде». — См. «Архив А. М. Горького», т. 6, Москва, 1957, стр. 210.

В 1926 г. Мартин Бубер поместил немецкий перевод «Переписки из двух углов» в своем журнале „Die Kreatur“. В ближайшие годы появились переводы этого сочинения на французском (1930, 1931), итальянском (1932) и испанском (1933) языках. В 1932 г. в Тюбингене вышло большое исследование Иванова о Достоевском — наиболее широко известный на Западе труд Вячеслава Иванова — в основу которого легли статьи о Достоевском, вошедшие в сборники «Борозды и межи» и «Родное и вселенское», теперь переработанные и расширенные Ивановым для этого издания.¹⁴ Кроме этого, в годы 1930—1937 вышло десять статей Иванова на немецком, французском и итальянском языках, не считая целого ряда переводов его более ранних статей, в некоторых случаях переработанных им.¹⁵

Отчасти благодаря этим изданиям, у Иванова постепенно образуются интересные и значительные знакомства с западноевропейской интеллигенцией. В 1927 г. к нему в Павию приезжал Мартин Бубер и произвел на него большое и глубокое впечатление. В последующие годы у них была небольшая, но очень теплая переписка. Близко сошелся Иванов с известным французским критиком Шарлем Дю Боссом, хотя встретиться удалось им только раз. Через перешедшего в католичество Дю Босса, Иванов познакомился с целым рядом «нео-католиков», в том числе с Габриэлем Марселем.¹⁶ Завязалась очень дружественная переписка с Карлом Муттом, редактором немецкого католического журнала „Hochland“. Близко познакомился он также с филологом-романистом Эрнстом Робертом Курциусом, который был одним из первых западноевропейских критиков, отметивших значение и значительность «Переписки из двух углов». Несколько позднее, работая в институтах, подчиненных «Конгрегации по делам Восточной Церкви», Иванов очутился в постоянном контакте с самыми высокопоставленными кругами католической Церкви.

¹⁴ Wjatscheslaw Iwanow. Dostoewskij. Tübingen, 1932. English translation: Vyacheslav Ivanov. Freedom and the Tragic Life. A Study in Dostoevsky. London, 1952.

¹⁵ Приводим эти статьи в хронологическом порядке: „Lettre à Charles Du bos“ — „Vigile“, 1930, No. 4; „Vergils Historiosophie“. — „Corona“, 1931, I, No. 6; „La vision du Laurier dans la poésie de Pétrarque“. — „Vigile“, 1932, No. 1; „Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno“. — „Il Convegno“, 1933, XIV, No. 8—12; „Lettera ad Alessandro Pellegrini“. — *Ibid.*; „Zwei russische Gedichte auf den Tod Goethes“. — „Corona“, 1934, IV, No. 6; „Humanismus und Religion“. — „Hochland“, 1934, XXXI, No. 2; „Realismo“. — „Enciclopedia Italiana“ (Treccani), 1935, t. 28; „Simbolismo“. — *Ibid.*, 1936, t. 31; „Vom Igorlied“. — „Corona“, 1937, VII, No. 6. К числу существенно переработанных переводов следует отнести статью „Anima“, которая восходит к статье «Ты Еси», сб. «По звездам». — См. „Corona“, 1935, V, № 4. После войны написаны статья „Forma Formans und Forma Formata“, „Mercur“, 1948, II, No. 3, и эюд „Lermontov“, напечатанный в сб. под ред. Этторе Ло Гатто „I protagonisti della letteratura russa dal XVIII al XX sec“. Milano, 1958.

¹⁶ Марсель написал предисловие к отдельному французскому изданию «Переписки из двух углов» (1931).

Таким образом, к середине тридцатых годов Вячеслав Иванов занимал уже видное и почетное место в интеллектуальной жизни Запада. И именно к этому периоду относится частичное сближение Иванова с русской эмиграцией.

Способствовали этому сближению и внешние обстоятельства: к тому времени в России умерли или были смещены все лица, которые ручались за Иванова при его отъезде в Рим или помогли ему получить пенсию. Связанным он себя больше не чувствовал. «Первой ласточкой» был неожиданный визит приехавших в Рим Мережковского и Гиппиус в 1934 г. В последующие годы — хотя Рим оставался по-прежнему «на отлете» от эмигрантской жизни — Иванова навестили многие представители русского литературного Парижа. Гиппиус и Мережковский заезжали каждый год. Из других наиболее видных писателей следует назвать М. А. Алданова и Ивана Бунина. Редкие появления последнего были, по воспоминаниям О. А. Шор, «особенно оживленными». ¹⁷ Война и тяжелые послевоенные условия отчасти прервали это растущее сближение.

Хотя Иванов от какого-либо политического участия в эмигрантской жизни по-прежнему отказывался, с 1936 г. он стал печататься в парижских «Современных записках». Выступил он с циклом «Римские сонеты» в 62-й книге, и почти в каждом последующем номере журнала — вплоть до последнего, 70-го, вышедшего в 1940 г. — появлялись его стихи. В 1937 г. он поместил статью о Пушкине (кн. 64), а в 1938 г. подготовил статью о поэзии, которая, однако, была напечатана только через 25 лет, в «Новом журнале». ¹⁸

Мы приведем ниже приветствие Иванова, которое он направил Мережковскому по поводу его 70-летия. Письмо явно предназначено для чтения вслух, и оно было полностью оглашено на банкете в честь Мережковского, состоявшемся 14 декабря 1935 г. ¹⁹ Оно является, таким образом, первым официальным актом сближения Иванова с эмиграцией. Это приветствие написано почти одновременно с письмом к русскому эмигранту, которое цитировалось выше, и отнюдь не отменяет положений высказанных там. В этом отношении весьма характерно, что Иванов говорит о Мережковском как о «ясновидящем художнике-всечеловеке» и ни разу не упоминает его национальности. Приводим текст полностью:

¹⁷ Н. Н. Берберова вряд ли права приписывая Бунину ненависть к Иванову: N. Verberova. *The Italics are Mine*, New York, 1969, p. 257. Несмотря на общеизвестную нелюбовь Бунина к символистам, ни в одном из его нападений появившихся в печати, насколько нам известно, не встречается имя Иванова. Ф. А. Степун был близким другом обоих и это привело, вероятно, к их сближению.

¹⁸ Вяч. Иванов. Мысли о поэзии. — «Новый журнал», 1963, кн. 69. См. также другую посмертно напечатанную статью, которую Иванов написал уже в послевоенные годы: «О дневниках Т. Л. Сухотиной». — «Новый журнал», 1953, кн. 32.

¹⁹ См. «Последние новости», Париж, 1935, 17 дек., № 5381, стр. 2.

Дорогой Димитрий Сергеевич,

Позвольте и мне, Вашему старинному, неизменному, исстари благодарному почитателю, в новом, многоголосом, многоязычном хоре Вас чествующих, принести Вам свой скромный привет, корифей нашего литературного поколения и славный выразитель его верховных заветов, поэт-будитель предчувственной памяти, ясно-видящий художник-всечеловек, неустанный свидетель духовной Истины.

Изначала Вы согласились на отшельничество духовное, на львиное одиночество вопиющего в пустыне. А между тем толпа поодаль растет и ловит Ваши странные слова, хотя и медлит, робкая, приблизиться; а Вы сам, быть может, и не слышите восклицаний и вздохов ее, пусть еще недоумелого и нерешительного, но уже умиленного, уже пронзенного сочувствия...

Предоставьте Времени делать свое дело; Вы же можете с чувством удовлетворения и благодарности «вся исполняющему Жизни Подателю» оглянуться на доселе пройденный путь неослабного подвига и изобильных свершений.

В духе и уповании всем сердцем с Вами,

Ваш Вячеслав Иванов.²⁰

**
*

За девятнадцать лет, которые отделяют конец 1924 г. от начала 1944 г., Вячеслав Иванов написал только 12 новых стихотворений. К этому можно прибавить несколько переделанных им за эти годы старых стихотворений и перевод двух сонетов Микеланджело.²¹ Не в счет здесь поэма («мелопея») Иванова «Человек», вышедшая авторским изданием в Париже за несколько дней до начала войны. Эта поэма была целиком написана в России в 1915—1919 гг.; для парижского издания Иванов сделал незначительное количество мелких стилистических исправлений и прибавил примечания.²²

Вряд ли целесообразно искать причину такой поэтической засуши. Отметим все же, что с 1928 г. творческие силы Иванова были отчасти поглощены работой над «Повестью о Светомире царевиче».

На встрече Нового 1944 года, по записи О. А. Шор, Иванов говорил собравшимся друзьям следующее: «Стихов давно не сочиняю. Пишу роман. Последние стихи относятся к 1937 году...» Разговор

²⁰ Цитата по копии, хранящейся в римском архиве Иванова. Приводится с любезного разрешения О. А. Шор.

²¹ Переводы из Микеланджело опубликованы в «Новом журнале», 1970, кн. 100, стр. 9.

²² Вяч. Иванов. Человек. Париж, Дом книги, 1939. Поэма эта почти не имела отклика; она была явно несозвучна главным течениям русской зарубежной поэзии тех лет.

зашел о значении заказов для художника, и в тот же вечер О. А. Шор полушутя «заказала» Иванову сообщить в стихах, как под его бывшей capitoлийской квартирой была найдена «священная дорога», по которой в древности триумфальные процессии поднимались из Форума к храму Юпитера. «Заказ» Иванов исполнил („Via Sacra“, 1 января 1944 г.). «На следующий день, 2 января, — сообщает О. А. Шор, — он признался почти смущенно: 'Что это со мною, я опять стихи сочинил'. Открылся лирический ключ и не иссыхал целый год». Стихи эти — всего 118 стихотворений, все написанные в течение 1944 года — Иванов объединил впоследствии под названием «Римский дневник 1944 года».

Стихотворения расположены хронологически в порядке написания. Это именно дневник в поэтической форме; Иванов не пытался организовывать стихотворения тематически или придать дневнику какую-то общую структуру. Темы стихотворений самые разнообразные — тут есть отклики на военные события, обращения к друзьям, воспоминания о прошлом, размышления о жизни, о поэзии, о Боге.

Первое и преобладающее впечатление от этих стихов — спокойствие, умиротворенность, простота. Простота в поэзии, конечно, понятие обманчивое и отчасти условное. Она дается только в результате огромного мастерства; недаром мы называем «простоту» Пушкина гениальной. Вячеслав Иванов это прекрасно знал: «К простоте вождельной и достолюбезной путь идет через сложность», писал он в 1920 г. Сам он уже давно отошел от той изощренной торжественности и богатой — даже пышной — сложности стиля и мысли, характерных для сборников „Cor Ardens“ (1911). Уже в своем следующем сборнике стихов, «Нежная тайна» (1912), Иванов значительно упростил свой слог. А в сонете 1917 г. («Явная тайна») Иванов провозгласил, что отселе будет петь «как дети, прост и ясен».

В «Римском дневнике» простота входит в замысел поэта:

К неопитам у порога
Я вещал за мистогога.
Покаянья плод творю:
Просторечьем говорю. (13 февраля)

Стихотворения на религиозную тему очень многочисленны. Есть среди них и поучительные и полемически заостренные. Но большинство из религиозных стихов отражает трезвую и светлую умиротворенность:

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом. (28 февраля)

Эта же мысль развита в другом замечательном стихотворении, в котором поэт, следуя традиции, сравнивает свою судьбу с челном,

гонимым волною. Стихотворение написано редким для Иванова анапестом:

Подмывает волна,
Подымает челна,
На песках задремавшего, днище.
Что ж? Ты в путь оснащен,
Да и шквал укрощен,
Челн, мое подвижное жилище.

До рассвета ночлег,
А прилива разбег
Парусов лепетаньем приветим.
Может быть, от кормы
Тень не ляжет, как мы
Корабельщика Ангела встретим. (15 февраля)

Именно к таким стихам приложимы слова молитвы, которые дали название последнему сборнику стихов Вячеслава Иванова: «Свете тихий святых славы, бессмертного, Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога».

Иногда, впрочем, у поэта звучат другие ноты:

Я зябок, хил: переживу ль
Возврат недалний зимней злости?
Согрей на долгий срок, Июль,
Мои хладеющие кости. (3 июля)

Одно из самых красивых стихотворений «Римского дневника» посвящено поэзии. Здесь высказана в памятном образе знакомая нам уже мысль Иванова, что поэзия в лучшем, высшем смысле — праздник слова и живая хвала Богу:

Поэзия, ты — слова день седьмой,
Его покой, его суббота.
Шесть дней прошли, — шесть злб: как львица,
спит Забота;
И, в золоте песков увязшая кормой,
Дремотно глядучи на чуждых волн тревогу,
Святит в крылатом сне ладья живая Богу
И лепет паруса, и свой полет прямой. (26 февраля)

В последнем стихотворении «Римского дневника», помеченном 31 декабря 1944 г., Иванов прощается со своим «лирическим годом» и благодарит его за то, что он приводил

Мысль к ясности и чувства к строю,
Со мной молился и грустил,
Порой причудами забавил,
Роптал порой, но чаще славил

Что в грудь мою вселяло дрожь
Восторга сладкого . . .

Внутренний голос говорил Иванову, что давно пора вернуться к роману, работу над которым он в течение всего 1944 г. совсем забросил. Ценители русской поэзии не могут не пожалеть о прекращении замечательной лирической струи: после 1944 г. Иванов написал только три новых стихотворения.

**
*

Вячеслав Иванов скончался в Риме 16 июля 1949 г. Чувствуя приближение конца он за несколько часов до смерти просил О. А. Шор обещать ему, что она «спасет его Светомира». И она обещала . . .

Речь идет о романе, который Иванов начал писать в 1928 г., но который назревал в его творческом сознании еще задолго до этого. Роман называется «Повесть о Светомире царевиче», и Иванов подчеркивал, что считает его главным делом своей жизни. Но закончить роман ему не удалось; он успел написать лишь пять из намеченных двенадцати книг, причем они составляют фактически только предысторию всего повествования. Заканчивала «Повесть» уже О. А. Шор, посвятив на это целых пятнадцать лет труда и написав четыре большие книги. Сделать это она решилась потому, что Иванов часто и подробно обсуждал роман с ней в течение работы над ним. И еще задолго до смерти он разработал весь план повествования. Этого плана О. А. Шор строго и придерживалась, используя вдобавок свое великолепное знание всего творчества Иванова.²³

Самая яркая черта романа — звучный, певучий, архаизованный язык первых пяти книг. Чувствуется влияние былин, древнерусских сказаний, летописей. Перейдя на «просторечье» в стихах, поэт как бы выявил свое глубокое тяготение к торжественному слогу в богатой, ритмической прозе.

В «Повести» имеется большое количество отголосков русской истории. Но главная тема выходит далеко за пределы обычных национальных и исторических понятий, и события, которые разыгрываются в «белом царстве, христианском государстве», имеют прежде всего общечеловеческий, духовный смысл. Здесь поставлена проблема Человека в конечном, эсхатологическом аспекте, и в этом отношении есть много общего с поэмой «Человек». Но в романе замысел несравненно более широкий: Иванов задумал миф о человеке (Светомире), который через преображение плоти и духа преодолевает свою греховную человеческую наследственность («змиево семя»).

²³ Роман войдет в первый том готовящегося к печати «Полного собрания сочинений Вячеслава Иванова». Пишущий эти строки ознакомился с текстом в рукописи. Краткое изложение фабулы читатель найдет у С. К. Маковского, «Портреты современников», Нью-Йорк, 1955, стр. 298—310.

Путь лежит через умерщвление своего прежнего «я», следуя завету «умри и стань!»

Все действие «Повести» устремлено к завершительному видению Царствия Божия на очищенной от греха земле. «Творение, с которого окончательно снято проклятие греха, образует новую тварь», говорит Иванов в своих примечаниях к Апокалипсису. Упованием на такое возрождение человечества — во славе, «на обрадование земли», — заканчивается миф о Светомире.

**

Еще не пришло время окончательно определить место и измерить значение Вячеслава Иванова в истории русской литературы. Изучение его творчества только начинается. Вопрос его влияния, в смысле непосредственного воздействия его поэзии на поэтов-современников, почти еще не ставился. Единственным исключением является ценная статья К. Ф. Тарановского об использовании Мандельштамом образов из ивановских переводов древнегреческой лирики.²⁴ Думается, что дальнейшее изучение в этом направлении откроет другие интересные взаимосвязи.

Что касается более молодых поэтов, то мы можем довольно уверенно сказать, что большинство из них прошло совершенно мимо Иванова; исключения составляют единицы. По воспоминаниям А. К. Раннига, Иванов называл своей ученицей талантливую Софью Парнок, опубликовавшую несколько сборников стихов. Из зарубежных русских поэтов, последователем Иванова можно определенно считать только И. Н. Голенищева-Кутузова. Впрочем, в своем предисловии к единственному сборнику стихов Кутузова («Память», 1935) Иванов писал, что не улавливает у молодого поэта «и косвенных улик» своего влияния. Горячим поклонником Иванова был также молодой и рано погибший пражский поэт Евгений Гессен, но то малое из его стихов, что появилось в печати, совершенно не похоже на Иванова. И Гессен и Голенищев-Кутузов сообщали Иванову, что по его стихам молодые поэты в Праге и в Белграде «учатся писать», однако никакой серьезной поэтической школы из этого не возникло.²⁵

Одна из причин невосприятия Иванова, как нам кажется, — простое незнание его поздних стихов. Характерно в этом отношении суждение Анны Ахматовой, которая в беседе с Н. А. Струве в 1965 г.

²⁴ «Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама», в трехтомном сборнике в честь Р. О. Якобсона "To Honor Roman Jakobson", The Hague-Paris, 1967, III, pp. 1973—1995.

²⁵ Вопрос о возможном влиянии Иванова на поэтов русского зарубежья автор настоящей статьи обсуждал письменно с Г. П. Струве, а также с Л. А. Алексеевой-Иванниковой. Автор приносит им свою искреннюю благодарность за их указания и советы.

основывала свое отрицательное мнение об Иванове на прочтении сборников „Сог Ardens“. Теперь, когда острые литературные прения начала века уже отходят в историю, творчество Вячеслава Иванова должно быть оценено по достоинству. И с полной уверенностью можно утверждать, что стихи, написанные Ивановым в Италии, будут признаны как одна из вершин русской поэзии XX века.

Март 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Полторацкий. Предисловие	V
---------------------------------------	---

I. ЛИТЕРАТУРА (1) — ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Борис Зайцев. Изгнание	3
В. Вейдле. Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века	7
Ник. Андреев. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы)	15
Людмила Фостер. Статистический обзор русской зарубежной литературы	39
Юрий Иваск. Поэзия «старой» эмиграции	45
Фабий Зверев. Поэты «новой» эмиграции	71
Л. Ржевский. Художественная проза «новой» эмиграции	83

II. ЛИТЕРАТУРА (2) — ПОЭТЫ И ПРОЗАИКИ

Ч. Николас Ли. Марк Александрович Алданов: жизнь и творчество	95
И. А. и В. Н. Бунины в канун эмиграции. Из дневника В. Н. Буниной. (Публикация Л. Ф. Зурова)	105
Сергей Крыжицкий. Жизнь и творчество И. А. Бунина в эмиграции	107
Темира Пахмусс. З. Н. Гиппиус в эмиграции — по ее письмам	121
П. Грибановский. Борис Константинович Зайцев. — Обзор творчества	133
Алексей Климов. Вячеслав Иванов в Италии (1924—1949)	151
Александр Дымник. А. И. Куприн в годы изгнания: настроения, чувства, идеалы	167
И. А. Ильин. Мережковский-художник. (Публикация Н. Полторацкого)	177
Милена Карлова. Осуд и сон писателя. О жизни и творчестве А. М. Ремизова в эмиграции	191
Ирина Одоевцева. О Тэффи (Отрывок из книги «На берегах Сены»)	199
С. Карлиньский. Новое об эмигрантском периоде Марины Цветаевой (По материалам ее переписки с А. А. Тесковой)	209
Ольга Сорокина. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции	215
Людмила Келер. И. С. Шмелев о себе и о других	233

III. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

Владимир Ильин. Литературоведение и критика до и после революции	243
Р. Плетнев. Русское литературоведение в эмиграции	255
Н. Полторацкий. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина	271

IV. ЛИТЕРАТУРА И ПЕРИОДИКА

Марк Слоним. «Воля России»	291
Вячеслав Завалишин. Четверть века журнала «Грани»	301
Г. Андреев (Г. А. Хомяков). В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия	309
Роман Гуль. «Новый журнал»	321
Глеб Струве. Из истории русской зарубежной печати. Издания П. В. Струве	333
М. Вишняк. «Современные записки»	353

V. РЕЗЮМЕ СТАТЕЙ СБОРНИКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 361

<i>The Contributors</i> [Краткие сведения об авторах статей]	389
<i>Указатель имен</i>	393

ENGLISH RESUMÉS OF THE ARTICLES

Table of Contents

<i>Nikolai P. Poltoratzky</i> : Foreword	363
--	-----

I. LITERATURE (1) — POETRY AND PROSE

<i>Boris Zaitsev</i> : Exile	364
<i>Wladimir Weidlé</i> : The Traditional and the New in Russian Literature of the 20th Century	364
<i>Nikolay Andreyev</i> : Russian Emigré Literature: Its Specific Features and Main Stages of Development	365
<i>Ludmila A. Foster</i> : Statistical Survey of Russian Emigré Literature	366
<i>George Ivask</i> : The Poetry of the "Old" Emigration	367
<i>Fabii Zverev</i> : The Poets of the "New" Emigration	368
<i>Leonid D. Rzhnevsky</i> : Fiction of the "New" Emigration	369

II. LITERATURE (2) — POETS AND PROSE WRITERS

<i>C. Nicholas Lee</i> : Mark Aleksandrovich Aldanov: Life and Work	370
I. A. and V. N. Bunin on the Eve of Exile. From <i>Vera Bunina's</i> Diary. — Posthumous publication by <i>Leonid F. Zouloff</i>	372
<i>Serge Kryzyski</i> : The Life and Work of I. A. Bunin in Exile	372
<i>Temira Pachmuss</i> : Z. N. Hippius in Emigration — According to Her Own Letters	373
<i>Paul V. Gribanovsky</i> : Boris Konstantinovich Zaitsev: A Survey of His Creative Work	373
<i>Alexis Klimoff</i> : Viacheslav Ivanov in Italy (1924—1949)	374
<i>Alexander Dynnik</i> : A. I. Kuprin in the Years of Exile: Moods, Feelings, Ideals	375
<i>Ivan A. Iljin</i> : Merezhkovskii the Artist. — Posthumous publication by <i>Nikolai P. Poltoratzky</i>	376
<i>Milena Karlova</i> : A Writer's Osud and Dream: A. M. Remizov's Life and Creative Work in Exile	377
<i>Irina Odoevtseva</i> : About Teffi (From the book, <i>On the Banks of the Seine</i>)	378
<i>Simon A. Karlinsky</i> : New Information on Marina Tsvetaeva's Emigré Period (According to Materials from Her Correspondence with A. A. Teskova)	378
<i>Olga N. Sorokina</i> : I. S. Shmelev's Creative Development in Exile	379
<i>Ludmila G. Koehler</i> : I. S. Shmelev About Himself and Others	379

III. LITERARY SCHOLARSHIP AND CRITICISM

<i>Vladimir N. Iljine</i> : Literary Scholarship and Criticism Before and After the Revolution	380
--	-----

<i>Rostislav V. Pletnev: Russian Literary Scholarship in Exile</i>	380
<i>Nikolai P. Poltoratzky: Russian Émigré Writers in the Literary-Philosophical Criticism of I. A. Iljin</i>	381

IV. LITERATURE AND PERIODICALS

<i>Mark Slonim: Volia Rossii</i>	382
<i>Viacheslav K. Zavalishin: Grani: Twenty-Five Years</i>	383
<i>G. Andreev (Gennady A. Homyakow): In Reflected Light. Mosty, Emigration, Russia</i>	384
<i>Roman Goul: Novyi Zhurnal</i>	384
<i>Gleb Struve: Towards a History of the Russian Periodical Press Outside Russia. Peter Struve's Publications</i>	385
<i>Mark Vishniak: Sovremennye Zapiski</i>	387
<i>The Contributors</i>	389